

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 3 (43) Том . 2020

Классики «Евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращённый в будущее)

Дружинин Александр Георгиевич

*Профессор, ведущий научный сотрудник, профессор-исследователь, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Институт географии РАН, Москва, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград
Российская Федерация, Ростов-на-Дону*

Аннотация

Геоэкономические и геополитические метаморфозы современной Евразии, протекающие в её пространстве интеграционные процессы (включая и формат «Большой Евразии») предполагают активизацию соответствующего научного дискурса, в том числе с опорой на базовые, системно впервые озвученные столетие назад (в 1920–1921 гг.) идеи «евразийства». Статья фокусирует внимание на общественно-географических воззрениях основоположников «евразийства» (Н. Трубецкого, П. Савицкого, П. Сувчинского, П. Бицилли, Г. Вернадского, Г. Флоровского и др.) и их созвучности реалиям XXI столетия. Приоритетное внимание уделено акцентированному в рамках евразийской доктрины видению «Евразии-России» как особой территориальной целостности, обеспечиваемой в том числе и русско-тюркскими историко-культурными «скрепами». Раскрыты и проанализированы основные концептуальные положения «евразийства» об исторических, географических и этногенетических предпосылках и проявлениях русско-тюркского взаимодействия в пределах евразийского пространства. Показано, что в постсоветский период общие условия и характер русско-тюркского взаимодействия в Евразии оказались существенно видоизменены, однако сам «тюркский фактор» для России, её региональной и внешней политики — сохраняет свою значимость.

Ключевые слова: евразийство, русско-тюркское взаимодействие, Россия, Евразия, постсоветское пространство

Дата публикации: 25.09.2020

Источник финансирования:

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Ссылка для цитирования:

Дружинин А. Г. Классики «Евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращённый в будущее) // Псковский регионологический журнал – 2020. – Выпуск 3 (43) С. 3-15 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010263-2-1> (дата обращения: 05.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310010263-2

¹ **Введение.** «Каждое поколение научных исследователей, подмечал наш выдающийся соотечественник В. И. Вернадский, — ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени» [1, с. 173]. Замечу, что подобный поиск также может быть ориентирован на фундаменты и истоки сохранивших своё значение, актуальность *прорывных, опережающих идей*, которые, как подчёркивал С. Б. Лавров, «не всегда срабатывают сразу, иногда находят полное выражение через десятки лет» [24, с. 35]. К числу последних, вне сомнения, относятся и идеологемы так называемого «*евразийства*», впервые системно и коллегиально озвученные в сравнительно небольшом по объёму сборнике «Исход к Востоку» [17], изданном в Софии в 1921 г.

² За последующее столетие взгляды основоположников «евразийства» то пребывали «в тени» иных доминантных идеологем, то актуализировались, оказываясь высоко востребованными; временами их замалчивали, подвергали доскональному анализу и жесточайшей критике (местами домысливая, искажая), воспринимали как маргинальные и, наряду с этим, тиражировали в дискурсе и по факту многопланово задействовали в «реальной политике». Соотносимую с «евразийством» совокупность воззрений ныне воспринимают преимущественно как политико-философскую [13], а также геополитическую [25] доктрину, попытку концептуального самоопределения России [19]. Сами же авторы первых «евразийских» текстов определяли своё интеллектуальное детище как «*идеологию*» [14, с. 6], «*систему мировоззрения и жизни*» [15, с. 3], а также «*миросозерцания*» [36], «*политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира*» [17, с. 7]. За столь очевидным многообразием смысловых граней и аспектных характеристик чётко просматривается и ещё одна значимая (особенно для географов-обществоведов!) ипостась «евразийства», являющего собой (по своему содержанию, сути) целостную, оформившуюся на очередном крутом «вираже» российской истории, специфическую *географическую картину мира*, вмещающую соответствующий инструментарий, аналитические обоснования,

прогнозы, концепты. «Мы [евразийцы], — акцентировано в «Евразийском временнике» 1923 г. издания, — *метафизичны и в то же время этнографичны, географичны*» [14, с. 7].

³ Научные воззрения первых «евразийцев» (Н. Трубецкого, П. Савицкого, П. Сувчинского, П. Бицилли, Г. Вернадского, Г. Флоровского и др.) формировались в специфической *«атмосфере катастрофического мироощущения поворотного, а не только переходного времени»...*, в *«эпоху вулканических сдвигов»* [17, с. 3–4]. Культивируемое ими видение пространства, места в нём России, в этой связи, — транзитивно, «размыто», внутренне противоречиво и, одновременно, — логично, многомерно, эвристично, во-многом ориентировано не только на события прошлого, но и на перспективу. Ныне, столетие спустя, когда глобальные геополитические и геоэкономические процессы вновь сполна являют свою турбулентность [39], а многоаспектные метаморфозы охватили в том числе и собственно «евразийское пространство» [12], продуктивный (столь необходимый, актуализированный [21]) поиск новых векторов и стратегий развития России — вряд ли возможен вне опоры на общеконцептуальный контур и содержательный конструктив «евразийской идеи», иницируя её «новое прочтение», переосмысление, а также корректную адаптацию соответствующих базовых положений. Весомое, первостепенное место в интеллектуальном багаже первых «евразийцев» занимает и проблематика русско-тюркского взаимодействия как одной из детерминант развития Евразии.

⁴ **Целью исследования** является инвентаризация и анализ совокупности воззрений основоположников «евразийства» относительно факторов, особенностей и перспектив русско-тюркского взаимодействия. Особое внимание уделено присущим концу XX — первым десятилетиям XXI вв. фундаментальным изменениям в геополитических, геоэкономических, геодемографических и геокультурных условиях русско-тюркского диалога в евразийском пространстве, оценке значимости идей классиков «евразийства» о роли «тюркского фактора» в развитии России применительно к современным реалиям (включая взаимоотношения нашей страны с другими тюркскими государствами, в том числе в контексте формирования «Большой Евразии»).

⁵ **Исходные предпосылки.** Базовые работы классического «евразийства» относятся к 1920-м — началу 1930-х годов [2; 14; 15; 17 и др.]; широкий и устойчивый интерес к содержащимся в них идеям проявился, тем не менее, лишь практически полвека спустя, в первую очередь благодаря фундаментальным историко-географическим и этнологическим трудам Л. Н. Гумилёва [6–8 и др.]. Последующий (постсоветский) период ознаменован активнейшим «всплеском» евразийского дискурса, в том числе и в рамках предметно-содержательной сферы непосредственно российской общественной географии [2; 10; 16; 22 и др.]. Основное внимание, при этом, фиксировалось на геополитической значимости наследия «евразийства» [25], а также его созвучности резко обозначившимся на рубеже XXI столетия эффектам «континентально-океанической дихотомии» [3]. В последние годы появились и обобщающие издания, высвечивающие видоизменившееся положение России в «евразийском пространстве» [11; 12], акцентирующие императивы, возможности и перспективы участия нашей страны в формате «Большой Евразии» [30]. Характерно, что подобное положение дел

контрастирует со сравнительной малочисленностью работ, напрямую посвящённых пространственным аспектам собственно русско-тюркского взаимодействия [12], в том числе и в его межстрановом, международном аспекте [40]. Существенную концептуальную и информационно-аналитическую значимость обретает, в этой связи, «новое прочтение» трудов основоположников «евразийства», переосмысление, адаптация излагаемых в них подходов и идей к современным реалиям. Для понимания последних весьма значимыми оказываются выполненные в последние годы разноплановые исследования [27; 33; 34 и др.] этногеографической, этнокультурной динамики евразийского пространства.

6 **Результаты исследования.** «Тюркская тематика» — одна из важнейших, стержневых содержательных компонент идеологии классического «евразийства». Как *«руссотуранскую»* и *«русско-татарскую»* воспринимал *«Россию-Евразию»* П. Савицкий, полагая, что *«без «татарщины» не было бы России»* [17, с. 342], а Н. Трубецкой подчёркивал, что *«сожительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю нашу историю»* [36, с. 34]. Он же характеризовал нашу страну в качестве преемницы *«великого наследия Чингисхана»* [35, с. 55] предлагая *«для правильного национального самопознания... учитывать наличность у нас [русских] туранского элемента»* [35, с. 34]. Констатируя, что *в этнографическом отношении русский народ не является исключительным представителем «славянства»* [17], Н. Трубецкой (вслед за И. Гаспринским [5]) подмечал, что *«фактически Россия уже объединила под сенью своей государственности значительную часть туранского востока»* [17, с. 102].

7 Воспринимая «Россию-Евразию» как целостное месторазвитие, Н. Трубецкой полагал, что *«русские вместе с угрофинами и волжскими тюрками составляют единую культурную зону»* [17, с. 97]. Ввести историю Золотой Орды в рамки русской истории [2] призывал Г. Вернадский, а Г. Флоровский акцентировал необходимость различать *«татарский слой» в русском быте* [17, с. 67]. И подобное солидарное, последовательно излагаемое, чётко сформулированное видение политико-территориального фундамента России, её этнографических особенностей и базовых культурных характеристик — было, полагаю, предопределено не только неподдельным интересом первых «евразийцев» к истории (воспринимаемой как *свободная и творческая импровизация* [17]), но и целым комплексом доминантных для второй половины XIX — начала XX вв. ситуаций, событий, обстоятельств. Важнейшие из них связаны как с геополитикой (включая мотивированное ею стремление *«осознать и осмыслить совершающийся и свершившийся выход России из рамок современной европейской культуры»* [29, с. 9]), так и с обновлённым территориальным контуром России, с её изменившейся этнодемографической (лингвистической, конфессиональной) структурой.

8 Если исходить из присущих тому периоду этнодемографических (этнокультурных) реалий, сложно не согласиться с «евразийским» тезисом, что *«с этнографической точки зрения — Россия область, где господство принадлежит индоевропейскому и туранскому элементам»* [29, с. 336]. «Туранский элемент» (в своей подавляющей части — тюркский и мусульманский), кстати, к концу XIX в. хотя и не был сопоставим по численности ни с собственно русскими (великороссами), ни, тем более, со всей славянской составляющей населения

страны, — также являлся географически практически вездесущим (представляя собой «россыпь» народов и племён от Бессарабии до Восточной Сибири), а в демографическом отношении — довольно внушительным. Так, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., «турецко-татарские» и «монголо бурятские» наречия в качестве родного языка указало более 14 млн. человек, т. е. около 11,2 % населения в страны (табл. 1).

⁹ *Таблица 1 Численность и удельный вес населения, указавшего в качестве родного «турецко-татарские» и «монголо бурятские» наречия», а также русский («великорусский») язык (по данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г.)*¹

	Всё население, тыс. чел.	Население, указавшее в качестве родного русский (великорусский) язык	Население, указавшее в качестве родного «турецко-татарские» и «монголо-бурятские» наречия»		
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Российская Империя, всего	125640	48558	44,3	14081	11,2
Европейская Россия	93442	48558	52,0	4795	5,1
Кавказ	9289	1829	19,7	1894	20,4
Сибирь	5758	4423	76,8	730	12,7
Средняя Азия	7747	588	7,6	6618	85,4

¹⁰ Почти 47 % всех тюркоязычных жителей Империи (зафиксированных в переписных листах) было сконцентрировано на территории Средней Азии, подавляющей частью оказавшейся в российской юрисдикции во второй половине XIX столетия (правомерен, логичен, в этой связи, взгляд философа В. И. Цымбурского на 50-летие с 1856 по 1907 г. как «евразийскую» фазу отечественной истории [38]). Именно в этот хронологический период (непосредственно предшествующий манифестации своих идей родоначальниками «евразийства») Россия не только вступила в первую серьёзную геополитическую «размолвку» с другими европейскими державами, но и наиболее активно инкорпорировала в себя «тюркский» этнический элемент, что наглядно и высветила перепись 1897 г. Согласно её данным, кстати, на «славяноязычные» народы приходилось 73,2 % демографического потенциала Российской Империи (в качестве своего вероисповедания 69,3 % прошедших процедуру переписи, при этом, указали Православие). Удельный же вес в целом «славяно-тюркской компоненты» в этнолингвистической структуре обширнейшей страны (объединяющей до 40 % территории всего евразийского материка, расширявшей и далее свои рубежи, воспринимавшиеся современниками [28; 31], включая и авторов первых «евразийских» текстов [17], тем не менее, как «естественные», природно- и этнокультурно обусловленные), достигая 84,4 %, являлся абсолютно преобладающим (на долю лиц, владеющих великорусским языком как родным, и тех, для кого родными выступали тюркские языки — суммарно приходилось 55,5 % от всего населения страны). Подобный контекст (дополняемый и ранее культивируемыми представлениями о «тюркском факторе» происхождения

русских [37]), безусловно, благоприятствовал фокусировке внимания на роли тюркских народов и государств в российской (и евразийской) геоистории, проявившейся в трудах классиков «евразийства» в своём предельно завершённом виде (отчасти в качестве ностальгии по уже фактически утраченной к началу 1920-х гг. Российской Империи, отчасти — как предвосхищение её обновлённой геополитической и этнодемографической ипостаси).

¹¹ Характерно, что в последующие десятилетия, уже в видоизменённом формате СССР, славяно-тюркская составляющая (последовательно трансформируясь в русско-тюркскую) также устойчиво превалировала в этнодемографической структуре, вмещая до 88–90 % всего населения страны (табл. 2).

¹² *Таблица 2* Удельный вес славянских и тюркоязычных народов в этнической структуре Российской Империи, СССР и Российской Федерации, %*

	1897 г.	1926 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все славянские народы	73,2**	81,0***	77,1	70,3	83,4	82,8
В том числе русские	44,3**	55,9***	54,6	50,8	80,7	81,0
Тюркоязычные этносы	11,2**	9,0	11,2	17,4	8,6	9,1

* составлено автором до данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., Всесоюзным переписям населения 1926, 1959 и 1989 гг., а также Всероссийским переписям населения 2002 и 2010 гг.; ** указавшие соответствующий язык в качестве родного; *** с учётом лиц (почти 4 млн. чел.), указавших себя в качестве «казаков».

¹³ При этом, если за период с 1926 по 1989 гг. (согласно данным всесоюзных переписей) удельный вес русских сократился на 5,1 процентный пункт, а представителей других славянских народов — на 5,6 пункта (что практически означало в том числе и ускоренное обретение их частью — русской идентичности), то тюркоязычные народы (для многих из них именно Советский Союз, объединяемые им союзные республики и этнические автономии — стали в полном смысле «месторазвитием!»), напротив, нарастили свою долю на 8,4 процентных пункта, а общая численность соответствующих этнических страт советских граждан вплотную приблизилась к 50 млн чел. (33,5 % от этой совокупности составляли узбеки, 16,3 % — казахи, 13,5 % — азербайджанцы, 13,3 % — татары). Почти 94 % проживающих в пределах СССР представителей тюркских народов в качестве родного указали язык своей национальности; около 40 % — декларировали свободное владение русским языком.

¹⁴ Если бы СССР и далее (после 1991 г.) сохранился и в нём протекали бы фактически имевшие место на постсоветском пространстве этнодемографические процессы, то (согласно расчёту автора [12]) в пределах его границ к настоящему времени оказалось бы сконцентрировано не менее 72 млн представителей тюркских этносов, что эквивалентно 25 % от всего населения. Ориентация же на демографический прогноз ООН (и учёт этнодемографической структуры современных постсоветских государств) позволяет полагать, что к 2050 г. на пространстве «бывшего СССР» (т. е. практически, в контуре «*России-Евразии*», если оперировать базовым концептом классического «евразийства») доля

представителей тюркоязычных этносов в совокупном демографическом потенциале может достигнуть 32 % (более 93 млн чел.), а к 2075 г. — 34 %, стабилизируясь далее на достигнутом уровне. Подобного рода **фактическое удвоение за столетие удельного веса «тюркской компоненты» в населении «шестой части суши»** — существенно и создаёт реальную предпосылку для радикальной трансформации ранее сложившейся, привычной евразийской этнодемографической (равно как и этнокультурной, геоэкономической, геополитической) архитектуры. Тем более, что уже сейчас в пределах всего евразийского материка русский этнический компонент (суммарно — порядка 123 млн чел.) зримо уступает суммарному демографическому потенциалу тюркских этносов (оцениваемому не менее чем в 160 млн [41]).

¹⁵ В Российской Федерации этнодемографическая пропорция, разумеется, существенно иная. Если ориентироваться на данные всероссийской переписи 2010 г. (дополняя её сведениями проведённой в 2014 г. переписи населения в Крымском федеральном округе), то в стране порядка 112,6 млн русских (80,7 % населения страны), ещё 2,9 млн (1,8 %) идентифицируют себя с другими славянскими народами и, при этом, 12,8 млн представителей тюркоязычных этносов (9,1 %). Но и здесь (в самом крупном и «наиболее русском» «осколке» былой «России-Евразии»), тюркские народы, продемонстрировав резистентность к депопуляционным процессам 1990–2000-х гг. (это относится в первую очередь к башкирам, кумыкам, бурятам, балкарцам, ногайцам, тувинцам), а также активно формируя свои диаспоры (что характерно, прежде всего, для узбеков и киргизов) — продолжали устойчиво наращивать «присутствие» в населении страны. Особым образом эта фундаментальная (присущая всей современной Евразии) этнодемографическая «перебалансировка» просматривается для **узловых (фокусных) пространств русско-тюркского диалога** — «титulyных» тюркских регионов Российской Федерации: лишь в двух из них (в Республике Крым и Республике Хакасия) перепись 2010 г. зафиксировала рост удельного веса русского населения; лишь в Чувашской республике в постсоветский период доля «титulyного» (тюркского) этноса сократилась (табл. 3).

¹⁶ *Таблица 3* Удельный вес русских, а также представителей «титulyного» тюркоязычного этноса в населении «тюркских» регионов России (динамика за 1970–2010 гг.)*

1970-2010 гг.)							
	Удельный вес региона в суммарной численности представителей всех тюркоязычных этносов в РФ, 2010 г. %	Удельный вес представителей «титульного» этноса, проживающих в регионе, к общей численности данного этноса в РФ 2010 г., %	Удельный вес в населении региона «титульного» тюркоязычного этноса и русского населения по данным переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %** **«титульный» тюркоязычный этнос / русские				
			1970	1979	1989	2002	2010

Республика Башкортостан	17,5	74,0	23,4 /40,5	24,3 / 40,2	21,9 /39,3	29,8 /36,3	29,5 /36,1
Республика Татарстан	17,2	37,9	49,1 /42,4	47,6 / 44,0	48,5 /43,2	52,9 /39,5	53,3 /39,7
Чувашская республика	6,8	56,7	70,0 /24,4	68,3 /26,0	67,8 /26,7	67,7 /26,6	65,0 /25,8
Республика Дагестан (кумыки)	4,8	86	11,8 /14,6	13,3 / 11,6	14,0 / 9,2	14,2 /4,7	14,9 / 3,5
Республика Саха (Якутия)	3,9	97,5	43,1 /47,3	36,9 / 50,4	33,4 /50,3	45,5 /41,2	49,8 /37,9
Республика Бурятия	2,4	62,0	22,0 /73,4	23,0 /72,0	24,1/ 69,9	27,7 /67,8	30,1 /66,1
Республика Крым	2,3	98,0	0,1 / 67,3	0,2 / 68,4	1,6 / 67,0	12,0 /58,3	12,2 /62,8***
Республика Тыва	2,0	95,1	58,4 /38,3	60,7 /36,3	64,1/ 31,7	76,8 /19,9	81,9 /16,1
Карачаево-Черкесская Республика	1,7	89,0	28,2 /47,1	30,0 / 45,0	31,1 /42,3	38,5 /33,7	40,9 /31,6
Кабардино-Балкарская Республика	0,9	97,3	8,7 / 37,1	9,0 / 35,1	9,4 / 31,9	11,7/ 25,2	12,7 / 22,5
Республика Алтай	0,66	93,2	28,0 /65,5	29,0 /63,3	31,1 /60,5	30,7 /57,6	34,0 /56,7
Республика Хакасия	0,6	87,7	12,3 /78,3	11,4 /79,3	11,1 /79,4	11,9 /80,2	12,2 /81,7

* составлено автором по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения; *** согласно Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г.

17 Охарактеризованные выше этнодемографические метаморфозы протекают на фоне выраженной этнокультурной тенденции: укоренения (у представителей титульных этносов «тюркских» республик России) тюркско-русского билингвизма [12]. Процесс этот, кстати, контрастирует с присущей постсоветскому периоду выраженной «дерусификацией» постсоветских тюркских государств: только за за 1990–1997 гг. в Россию мигрировало 44 % (от численности 1990 г.) русских из Азербайджана (173 тыс.), 14 % из Казахстана (875 тыс.), 23 % из Киргизии (23 тыс.), 23 % из Туркмении (76 тыс.), 23 % из Узбекистана (384 тыс.) [18]. Подобная динамика убедительно подтверждает откровенное положение классиков «евразийства»: *«Народ не только приспосабливается к месторазвитию, но и сам создаёт его»* [2, с. 9]. Она же позволяет сполна оценить, верифицировать ещё один «евразийский» тезис (озвученный Г. Вернадским в 1927 г.): *«нынешнее соотношение народностей... не есть неизменное для всех периодов русской истории»* [2, с. 11]. В своём обширном историко-этнографическом трактате «Начертание русской истории», обращаясь к давнему прошлому, данный автор подмечал, что в XIII столетии *«число людей турецко-монгольского племени»* превышало 7 млн, а *«людей русского племени»* едва ли превосходило 10 млн. ***Присущая постсоветскому пространству русско-тюркская превалирующая***

биэтничность предстаёт, в этой связи, не только явлением чрезвычайной долговременности («перекрывающим» периоды исторического бытия конкретных этносов и государств), но и демонстрирует определённую изменчивость (с элементами цикличности). И современное нам XXI столетие (с учётом не только этнодемографического тренда, но и фактического «расширения» евразийского пространства, становления контура «Большой Евразии») — во-многом являет очередной **«тюркский» вектор евразийской динамики**. Столетие назад основоположники «евразийства» вряд-ли могли уверенно спрогнозировать и озвучить подобную перспективу; осмысливая историю и актуальные геополитические процессы они, скорее, почувствовали её, предвосхитили.

¹⁸ Русско-тюркскому взаимодействию в постсоветской Евразии присущ и ещё один воистину «тектонический сдвиг»: **стремительное изменение удельного веса российской (советской) юрисдикции в локализации представителей тюркоязычных народов**: если в 1989 г. примерно каждый второй проживающий на планете представитель тюркоязычных этносов был гражданином СССР, то для Российской Федерации соответствующий показатель не превышает 8 %. **Сохраняя и отчасти постепенно наращая свою «тюркскую» ипостась, современная России, тем не менее, объективным образом оказывается преимущественно периферийной по отношению к в целом так называемому «Тюркскому миру»** (к примеру на территории Турецкой республики сконцентрировано не менее 35 % всего тюркоязычного населения Земли). Подобное периферийное позиционирование подкрепляется и аналогичным положением России в мировой Умме, что совершенно справедливо подмечено А. Малашенко [26] (почти 3/4 от общего числа российских мусульман приходится на тюркские народы [33]). Всё это, в свою очередь, повышает потенциальную восприимчивость российских тюркоязычных сообществ к внешним воздействиям, одновременно ограничивая потенциал влияния Российской Федерации на общеевразийские процессы (в качестве в том числе и «тюркской державы»), требуя от нашей страны активности, деликатности, сфокусированных и осмысленных, ориентированных на перспективу усилий в сфере как региональной (национальной), так и внешней политики.

¹⁹ **Заключение.** Полномасштабно озвученная, акцентированная столетие назад в трудах основоположников «евразийства» идея русско-тюркского взаимодействия, его особого значения для становления и развития «России-Евразии», вступившей «в полосу «мутации» [32], о жизненной необходимости для нашей страны очередного «поворота к Востоку», который «и есть возврат к себе» [29, с. 155] — видится ныне не только историософской, ориентированной на переосмысление прошлого, но и в существенной мере прогностической, обращенной в будущее, во-многом предвосхитившей масштабно разворачивающиеся уже в современном нам XXI столетии евразийские этнодемографические, этнокультурные и геополитические метаморфозы.

²⁰ В стратегической перспективе России важно всё в возрастающей мере учитывать судьбоносное значение для неё (равно как и в целом для евразийского пространства) русско-тюркского диалога, тщательнейшим образом отслеживать и анализировать любого рода связанные с ним процессы, всячески поддерживая сложившийся в ретроспективной череде форматов российского государства

симбиоз русского и тюркских народов. Необходимо учитывать также, что в нынешнем столетии и «Русский», и «Тюркский» миры (при очевидной несхожести факторов и векторов их современной динамики) под влиянием комплекса внешних и внутренних обстоятельств всё явственнее демонстрируют черты не столько бывшего Хартленда (каковым он представлялся Х. Маккиндеру [42], политику и мыслителю, оказавшему косвенное, но весьма существенное влияние на географические представления классиков «евразийства» [37]), сколько обширнейшего, сложно структурированного «континентального лимитрофа» [23]. Эти наши многие столетия сосуществующие «миры» в равной мере нуждаются не во взаимном изоляционизме, не в изматывающей конкурентной борьбе за иллюзорное (навеянное воспоминаниями о былом) доминирование в Евразии, а в продуктивной кооперации (в том числе и в рамках предлагаемой ведущими российскими политологами идеологии «нового неприсоединения» [21]), во взаимоподдерживающем соразвитии.

²¹ Существенно также, что русско-тюркское взаимодействие три последних десятилетия осуществляется не в пространстве оконтуриваемого рубежами единого государства *paixs rusica*, а в полном противоречий, неявном по перспективе взаимопересечении глобальных и региональных структур и процессов. Особое значение обретает, в этой связи, выстраивание с тюркоязычными государствами (в первую очередь — постсоветскими) привилегированных (взаимовыгодных, равноправных, базирующихся не только на экономических интересах, но и гуманитарных контактах) отношений. И абсолютно актуальной, корректной подсказкой выглядит, в этой связи, сформулированный в 1922 г. вывод П. Бицилли, ещё одного из авторов ранних «евразийских» текстов, что «осуществить свою евразийскую миссию Россия может лишь... из Средней Азии и через Среднюю Азию» [29]. Ныне не только «внутриматериковое», срединное геостратегическое положение, но и опережающий демографо-экономический рост в постсоветских тюркских государствах (в первую очередь в Узбекистане) — объективно превращают центральноазиатский макрорегион (относя к нему и Азербайджан, можно, полагаю, вести речь о Центральноазиатско-Каспийском мегарегионе) в один из узловых элементов всей «Большой Евразии». И в данном контексте любые усилия (в том числе и со стороны Российской Федерации) выстроить и реализовать евразийскую стратегию вне учёта и задействования «тюркского фактора», вне фокусировки внимания на пятёрке постсоветских тюркских государств — окажутся недостаточными и заведомо неэффективными. Приоритет, при этом, целесообразно отдавать не столько поддержке конкретных государств (их политических элит, режимов), сколько российских интересов (в том числе и присутствия) в этих государствах, продвижению совместных интеграционных проектов, всему тому, что не только генерирует социально-экономический позитив и сокращает риски военно-политической дестабилизации на наших южных рубежах, но и укрепляет Россию, усиливает её евразийские позиции.

Примечания:

1. Составлено автором по: Демоскоп Weekly. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. [Электронный ресурс]: URL:

Библиография:

1. Вернадский В. И. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. 501 с.
2. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первое. Евразийское книгоиздательство. Прага. 1927. 264 с.
3. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
4. Безруков Л. А. Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. С. 12–23.
5. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881. 170 с.
6. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.
7. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
8. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
9. Дергачёв В. А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2004. 584 с.
10. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.
11. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
12. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.
13. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
14. Евразийский временник. Непериодическое издание под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин. 1923. 175 с.
15. Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика. 1932. 29 с.

16. Замятин Д. Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.
17. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы. 1921. 135 с.
18. Кабузан В. Русские в мире. СПб., 1996. 352 с.
19. Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
20. Каганский В. Л. Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216.
21. Караганов С. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.
22. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М: Аспект Пресс. 2002. 479 с.
23. Картунов А. В. Воссоединение хартленда: геополитическая химера или исторический шанс? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 344–356.
24. Лавров С. Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л. Наука. 1984. С. 28–41.
25. Лавров С. Б. Лев Гумилёв. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
26. Малашенко А. Российская мусульманская община в мировой Умме // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. № 3. С. 98–104.
27. Манаков А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX — начале XXI в. // Географический вестник. 2019, 2 (49). С. 13–24.
28. Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина. 1907. 157 с.
29. На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. 357 с.
30. Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии. Сб. 148 / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.

31. Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.
32. Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага. 1927. 264 с.
33. Стрелецкий В. Н. Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственный структуры и сдвиги в конце XX — начале XXI веков // География мирового развития. Сер. «География мирового развития» / Под ред. Л. М. Синцера. М.: 2010. С. 442–459.
34. Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX — начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2) . С. 51–72.
35. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин. 1925. 60 с.
36. Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книжное издательство. 1927. 96 с.
37. Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.
38. Цымбурский В. Л. Дважды рождённая «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 5–33.
39. Шупер В. А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.
40. Druzhinin A. G., Ibrahimov A., Baskan A.. Interaction of Russia and Turkey in the Post_Soviet Period: Factors, Trends, Problems, Prospects // Regional Research of Russia. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 121–126.
41. Encyclopedia of the Peoples of Asia and Oceania. 2008. Vol. 1. 826 p.
42. Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. 23. P. 421–437.

Classics of "Eurasianism" about Russian-Turkic interaction (a look at the past, looking to the future)

Alexander Druzhinin

*Professor, Leading researcher, Research Professor, South Federal University, Rostov-on-Don, Institute of Geography of the RAS, Moscow, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
Russian Federation, Rostov-on-Don*

Abstract

The geo-economic and geopolitical metamorphoses of modern Eurasia and the integration processes taking place in its space (including the format of 'Greater Eurasia') imply the activation of the corresponding scientific discourse, including one based on the basic ideas of 'Eurasianism' that were first systematically voiced a century ago (in 1920–1921). The article focuses on the socio-geographical views by the founders of 'Eurasianism' (P. Savitsky, N. Trubetskoy, P. Suvchinsky, P. Bitsilli, G. Vernadskii, G. Florovsky, etc.) and their conformity to the realities of the XXI century. Special attention is paid to the vision of the 'Eurasia-Russia' as the concept accented in the Eurasianism doctrine. The article highlights its special territorial integrity, specific position in the planetary center-peripheral structure, as well as the priority of intra-continental economic interactions and the Russian-Turkic (Turan) historical and cultural ties for the country. Priority attention is paid to the vision of 'Eurasia-Russia', which is emphasized within the framework of the Eurasian doctrine, as a special territorial integrity, provided, among other things, by Russian-Turkic historical and cultural bonds. The article reveals and analyzes the main conceptual provisions of 'Eurasianism' about historical, geographical and ethnogenetic prerequisites and manifestations of Russian-Turkic interaction within the Eurasian space. The study shows that in the post-Soviet period, the general conditions and nature of Russian-Turkic interaction in Eurasia were significantly modified, but the 'Turkic factor' itself remains important for Russia and its regional and foreign policy.

Keywords: Eurasianism, Russian-Turkic interaction, Russia, Eurasia, post-Soviet space.

Publication date: 25.09.2020

Citation link:

Druzhinin A. Classics of "Eurasianism" about Russian-Turkic interaction (a look at the past, looking to the future) // Pskov Journal of Regional Studies – 2020. – Issue 3 (43) C. 3-15 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010263-2-1> (circulation date: 05.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310010263-2